

ИДУЩИЕ В НОГУ

оставляла тексты в их не правленном состоянии с момента написания, так как они производились на свет в самые безумные периоды жизни. Дышащие женскими образами, они пропитаны ими насквозь, и каждый имеет свой неповторимый терпкий аромат.

и тогда мне стало абсолютно ясно, что героини моих рассказов будут обязательно курить. Причем их запахи всегда будет торжествовать над дымом сигарет. Мальчишески сложенные, угловатые, с точными жестами и яркими характерами. Они все - герои фантазий и реально существующие персонажи. Любимые, вдохновлявшие и вдохновленные образы между реальностью и сновидением
всем им и в первую очередь

моей единственной и отчаянно любимой Нанди посвящается

Меня завораживала женская старость.

Точнее не сама старость как таковая, а то, как медленно она подступает, проявляется на руках и лице, подсушивает, заостряя, черты, осветляет волосы прядь за прядью.

Моей маленькой Нанди, моему безумному ангелу наступающая на пятки старость была чертовски к лицу.

16 АВГУСТА 20.. ГОДА.

ТУСКЛО ОСВЕЩЕННЫЙ БОРТ САМОЛЕТА

Наконец, я взялась описать эту историю, находясь в самолете и совершая ночной перелет из сердца Афин в Москву. В обеих столицах застыла тридцатиградусная жара. Мой S7 должен был приземлиться в четыре часа утра, но мы шли с опозданием и вероятнее всего это не предвещало хорошего начала предстоящего рабочего дня.

За последние три года я много летала. На моем привычном рейсе Москва-Париж меня встречали и сопровождали одни и те же бортпроводницы, лица которых навсегда останутся в памяти. Они были рядом в самые

трепетные моменты ожидания встречи, успокаивали мягкими улыбками когда я оставляла Нанди одну истекающую слезами в зале аэропорта. Встречали, когда я летела на заветную встречу в приступе счастливого безумия.

Начало надо искать за три года до этого, во Франции.

Мне тогда исполнилось 24 года. Я собрала свои вещи в скромный чемодан и прилетела работать в Париж.

Вышла с еще не успевшего остыть самолета в застывшую, парящую теплом и запахами чужой, незнакомой бурлящей жизни осень, в то время как в Москве шел уже не первый снег. В аэропорту меня никто не встречал. Я прилетела одна без разрешения на работу, и сроки моего пребывания не были оговорены. На момент приземления самолета я лишь понимала, что через три месяца необходимо пересечь границу России в обратном направлении.

Сняв небольшую комнату на окраине, я много и увлеченно работала. Вечерами гуляла одна по незнакомому городу или ходила без разбору на последние киносеансы.

В один из таких незаполненных вечеров, завершив проектную работу в офисе и решившись провести пару часов в городе, я зашла в маленький пустой клуб. Посетителей почти не было, в его глубине мое внимание привлекла тесная компания людей, о чем-то увлеченно беседовавшая. Светловолосая незнакомка давала интервью. Шел прямой эфир.

Я заказала бокал вина за барной стойкой. Наливавшее вино официантка и стоявший рядом фотограф с любопытством разглядывали случайного посетителя в моем лице. Единственным посетителем заведения была коротко стриженная, маленького роста француженка, одетая в молодежный прикид, с очками в оправе небесного цвета. До этого увлеченно следившая за ходом интервью, она вдруг обернулась:

- Ты здесь впервые?

- Да, проходила мимо и решила зайти после рабочего дня.

Мне хотелось с кем-то поговорить в этот пустой вечер. Это случайное знакомство оказалось как нельзя кстати.

Мы представились и тут же разговорились. Увлеченно беседуя с Паскаль, я не заметила, как интервью закончилось.

В тот вечер я впервые увидела Нанди.

Одета она была в синие поношенные джинсы и старый черный свитер с высоким горлом. Меня тут же поразили ее седые серебряно-белые пряди коротких волос и нетерпеливо горящие глаза. С озабоченным видом она подошла к нам и мы познакомились. Стоя в каких-то неощутимых сантиметрах напротив, я вдруг ощутила с ней странное родство. Внутреннее чутье продиктовало мне отказаться от позднего ужина в ближайшем ресторане и отправиться домой, лишь обменявшись контактами с Паскаль. Уже спустя два дня она мне написала.

ДВУМЯ ДНЯМИ ПОЗЖЕ.

КЛУБ PIGAILLON, ПЛОЩАДЬ PIGALLE. 23:00

Я находилась у стойки бара, в вечернем платье пепельного цвета, чуть касающимся своим невесомым подолом щиколоток, когда рядом со мной появилась Нанди. Узнавание пришло не сразу. Мое внимание было приковано к изучению интерьера еще пустовавшего клуба.

В этот вечер я была одета наивно-женственно. Чем катастрофически выбивалась из общей толпы мужеподобных девиц с высокомерно вскинутыми бровями, грубоватыми жестами, ведущими себя раскованно и подчеркнуто-независимо. Довершением образа стал макияж и осыпанная пайетками голова.

Паскаль, не забыв наше случайное знакомство, прислала приглашение на этот вечер. Как оказалось, вход был исключительно для девушек. Безликий фейс-контроль, удивленно допрашивал, знаю ли я направленность данного мероприятия. Пришлось уверенно соврать.

- Привет, ты тоже сегодня здесь? - спросила я с искренним удивлением, чтобы начать с чего-то разговор.

Нанди обернулась, держа бокал шампанского в тонкой руке с сильно выступающими венами.

- Да, я сегодня играю. Вообще-то я DJ.

Наверное, это надо было предвидеть.

Мы перекинулись парой общих фраз и Нанди вернулась к ди- джейскому пульту.

Чуть позже ко мне присоединилась Паскаль, приехавшая с незнакомой молодой подругой.

Вечеринка проходила шумно. Я много и часто перемещалась, застывая на антресоли второго этажа и наблюдая за светившимся в темноте и общем хаосе белым пятном волос. Паскаль без конца теряла меня и подолгу искала в толпе. В одно из мгновений она, наблюдавшая за мной издали, подошла и спросила - на кого я так замороженно смотрю. Я указала мимолетным жестом.

Паскаль грустно посмотрела мне в глаза - «Лучше забудь».

Я ей не поверила.

К концу вечера мы все вместе пили шампанское в комнате для обслуживающего персонала. Нанди увлеченно рассказывала мне про Наполеона и Луи XIV, курила, заползая для этого под пульттовую установку и нервно смеялась. Тогда мы впервые пили с ней на брудершафт, под это целовались.

В этот же вечер, Паскаль украла у нее зажигалку, которую впоследствии мне подарила.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ

В одну из ветреных парижских ночей я проснулась от того, что мне приснился ее запах. Не зажигая света и боясь спугнуть охватившее волнение, находясь еще на грани сна и реальности, я написала:

«Мне снился запах твоего тела».

Нанди ответила только в обед следующего дня и предложила встретиться, обозначив момент секретности.

Моему счастью не было предела. Больше всего я боялась, что она не ответит. В полдень мы отмечали победу вином с коллегой и вечным соучастником моих переживаний - Дидье. Сидели, замерзшие на улице, греясь в зимних солнечных лучах и слушая только что вышедший новый альбом Земфиры.

Моим однозначным ответом стало согласие.

22 ФЕВРАЛЯ 20.. ПАРИЖ

19:30

Мы договорились увидеться вечером следующего дня в стенах того же заведения, где впервые встретились.

Огромными мокрыми хлопьями валил аномальный для Парижа снег. Я шла пешком от метро по узкой, покрытой брусчаткой улице, неся купленный только что букет белых роз. Дома меня дожидались мама с сестрой, приехавшие на неделю отмечать свои дни рождения.

Мы столкнулись на улице. Она увидела меня первой. Окрикнула, паркуя свою низкую белую машину. Я села с ней рядом и мы впервые сосредоточенно целовались.

Навстречу шли люди, падали снежные обрывки и стекали по лобовому стеклу мокрыми струями. Мы сидели, прижавшись друг к другу в неудобных позах и наслаждались остротой новых открытых ощущений друг друга. Руки Нанди были ледяными. Она ненавидела перчатки и не носила их.

Мы просидели в машине до тех пор, пока окончательно не замерзли. Затем пошли в клуб, и не могли расстаться уже до конца вечера. Внутри почти никого не было. Ее знали все официанты и она попросила их об увиденном этим вечером молчать.

Мы пили шампанское, сидели невозмутимо близко на барных стульях и когда все отворачивались - целовались. А ближе к полуночи, когда зал начал наполняться людьми - спустились на нижний этаж для курящих и соединились, уже не в силах отпустить друг друга.

Она провожала меня до метро. Но мы еще долго стояли под падающим снегом, замерзшие, не видя никого вокруг и не в силах прощаться.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

спускаясь по лестнице ведущей от собора Sacre Coeur. Нанди мне написала.

Первая, удивляясь своим новым ощущениям. Она была счастлива.

Отправила мне короткое сообщение - «У меня до сих пор кружится голова».

Ответила ей, сама еще не осознавая, что между нами зарождается. Я улыбалась.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ.

20:00 КВАРТИРА. МОНМАРТР. ВЕЧЕР ЧЕТВЕРГА

Я вскрыла бутылку и налила себе бокал белого вина. В новой, недавно снятой мною квартире, царил идеальный порядок. Я сбежала с работы раньше обычного, купила вино и необходимое для ужина.

Застыла под горячем душем. Переоделась в черное платье и растерла в волосах только что купленные антикварные духи. На маленьком круглом столе возле распахнутого настежь окна дымился зажженный кальян, распространяя вишневый дым.

В дверь постучали.

Нанди ввалилась, как всегда запыхавшаяся, в короткой дутой куртке с искусственным мехом, в маленькой нелепой шапочке, обтягивавшей ее растрепанные пряди сизых волос. На ходу она бросила сумку на пол, сразу устремившись к открытому окну. Высунулась по пояс, затем скинула куртку и прижалась ко мне, тут же уткнувшись в мою шею холодным носом и губами. Она тяжело дышала. Как обычно быстро поднималась пешком по крутой деревянной лестнице на четвертый этаж. От нее пахло Serge Lutens вперемешку с сигаретами.

Ее уставший взгляд нетерпеливо блуждал по комнате. Наконец Нанди забралась на высокий барный стул. Ее худоба меня тогда поразила. На ней была черная рубашка-стрейч, делающая ее угловатое тело совершенно тонким. Иногда я подходила, дотрагиваясь до ее длинных точно-очерченных рук, чтобы удостовериться, что она правда живая.

Мы много пили, одна бутылка красного вина сменила другую. Потом быстро поужинали, увлекаемые только присутствием друг друга. Едва я убрала посуду, Нанди схватила меня за руку. И как нетерпеливый ребенок потянула в спальню. Второй рукой она сжимала бокал.

Моментально погасила свет, стаскивая с меня одежду. Спустя мгновение мы оказались прижатые друг к другу, с холодными руками и ногами, под укрывшим все вокруг одеялом.

Кажется, ее девушка Алекс звонила, бесчисленное количество раз в ту ночь.

Нанди соврала что-то невнятное про попавший в аварию автобус, который перекрыл все движение и образовал бесконечные пробки.

Уехала она утром.

В ранних солнечных лучах мы стояли на ожившей улице Монтмартра. Строгие француженки выводили сонных малышей в школы. Бакалейщики открывали свои лавки, пожилые дамы чинно выгуливали собачек. А мы стояли посреди этого торжествующего новый день, уличного мира и целовались.

Нанди: - Я спущусь выкурить сигарету. Начнешь без меня? Алекс утвердительно кивнула. Принесли бокалы.

Нанди проталкивается сквозь наплывающие на нее знакомые лица, спускаясь по широкой гостевой лестнице. Распахивает одновременно две створки тяжелых стеклянных дверей в холле и прикуривает сигарету, стоя в

расстегнутой мокрой куртке прямо улице. Она в очередной раз цепляется взглядом за тяжелые часы на своей руке. Без четверти двенадцать. Задумчиво всматривается в начало заснеженной улицы. Из-за стены падающего снега появляется Леся. В ее руках напрочь вымокший букет живых цветов. Она улыбается.

Я (целуя ее в обе щеки, мокрый лоб, виски, губы)

Я кажется опять опоздала.

(она смеется, на ее ресницах запутавшиеся снежинки)

Нанди (бросая сигарету под колеса медленно ползущего автомобиля):

- Отчаялась ждать! Что ты там делала?

Я протягиваю ей мокрый букет: - Вот, искала цветы.

Я чувствовала себя рядом с ней нервно, мое сердце безостановочно колотилось.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ. ПЯТНИЦА 19:30

Мы встретились на площади CIGALE в элитном ресторане LA CONCORDE. Я приехала с опозданием, быстрым шагом поднялась на второй этаж. Подхвативший меня официант проводил к дальнему столику у окна. Нанди разговаривала по телефону.

Весь ужин она смеялась, подшучивала над глуповатыми барменами и посетителями. Ее любимым развлечением было изображение лающей собачки, которую она якобы успокаивала под нашим столом. Мы пили шампанское, сжимая друг другу руки и целовались. Заказывали самые дорогие блюда из меню, развлекаясь. Нам приносили разложенные веерами морепродукты, бокалы перемешанных вин и счета.

Нанди любила изысканную кухню и с радостью предавалась этому, как и многим другим, наслаждению. Иногда в силу болезни еда становилась необходимостью. Тогда она ее тяготила, расстраивала.

Уже поздно ночью мы сели в машину, сбегая в сторону ее загородного дома. Я не верила в происходящее и не понимала зачем согласилась на эту безумную поездку. Перед неизвестностью меня охватывал озноб. Я вдруг почувствовала, что она настоящая сумасшедшая.

24 ЧАСАМИ ПОЗЖЕ.

ПОМЕЩЕНИЕ НОЧНОГО КЛУБА ALCAZAR. ПАРИЖ. ФРАНЦИЯ.

23:00

Начало вечера. Играет легкий "хаус".

У дальней стены, отдельно ото всех стоит Нанди. Она расправляет затекшие плечи, спускает тяжелые наушники одной стороной на тонкую шею - другую зажимает правым плечом.

Она пробегает уставшими глазами медленно заполняющийся зал, не отрывая одной руки от ди-джейского пульта. Прибывших пока немного. Кроме хорошо ей знакомых работников Мезанина - ночного заведения в центре города, она с любопытством разглядывает нескольких посетителей. У барной стойки

простаивают новые пары. Двое пожилых иностранцев в строгих костюмах и молодые девушки, едва преступившие порог своего 18-летия - в похожих черных платьях на тонких брительках. И все это - несмотря на беспрерывно сыпавший уже третий день снег. Вновь прибывшие стряхивают его тающие на глазах остатки.

Алекс вернулась чтобы ее сменить, принесла заранее открытую бутылку шампанского.

Нанди родилась и выросла в небольшом провинциальном городке на юге Италии. Ее мать - Карла, ушедшая из жизни четыре года назад от рака поджелудочной железы, была чистокровной итальянкой.

Карла держала свой ресторан итальянской кухни, где Нанди часто помогала ей обслуживать клиентов. Нанди, обладавшая неисчерпаемым чувством юмора и удивительной харизмой, говорила, что переняла это от матери.

Отец происходил из семьи польских евреев. Бабушка Нанди говорила по-польски и от нее она научилась славянским словосочетаниям. Когда разговор заходил о Польше, Нанди радостно выкрикивала знакомые ей с детства «пирожки», «нэ-нэ, нэ понимаю» или «запни морда», что в ее представлении обозначало «замолчи». Пирожками из детства она называла вареники, которые ее бабушка готовила с капустой и яйцом, а затем обжаривала на противне.

Отец Нанди был убит на ее глазах в их доме. Им с братом не было еще 18 лет. Нанди и ее брат Димитрий носили фамилию отца - Ревуцки. Это отец дал ей прозвище Нанди. Ее настоящим именем было Наталь - что в переводе с итальянского значило «Рождественская», которое она переименовала при получении французского паспорта в Натали. Она не раз говорила мне, что ей становится страшно, когда она задумывается, что она давно пережила возраст отца, когда тот погиб. В ее памяти он остался намного моложе ее нынешней. Нанди начинала работу в юном возрасте моделью, снимаясь для плакатов. Она рассказывала, что ее огромный портрет висел в местной парикмахерской, и она жутко стеснялась на нем своих юношеских веснушек. Отец, ведший борьбу с наркоторговцами, был недоволен ее выбором. Он отправил ее учиться в инженерный колледж, и по окончании учебы она начала работать в чертежной мастерской по инженерным сетям. Профессия казалась ей скучной и по ночам она подрабатывала в ночных клубах танцовщицей Go-Go. Ее с детства тянуло к музыке.

Ее брат Димитрий старше ее на два года, с самого рождения был болен сахарным диабетом 1 типа, перешедшим ему от матери. Нанди часто вспоминала, что Дмитрий был двоечником и хулиганом, в то время как ей учеба давалась слишком легко и

она всегда шла с опережением своего класса. Родители старались не акцентировать внимание на болезни брата и наказывали его в точности так же, как наказывали Нанди. При этом Нанди боролась за справедливость и

вступалась за вечно наказанного брата. Диабет 2 типа у Нанди был обнаружен значительно позже, после 30 лет.

Однажды, закончив работу в ночном клубе, где она танцевала, к ней подошел диск-жокей заведения и предложил попробовать поставить пару пластинок на свой вкус, ссылаясь на то, что она отлично чувствует музыку. Точность ее выбора была оценена по достоинству и так началась ее музыкальная карьера. Нанди начала работать промоутером еще в эпоху виниловых пластинок, которые она распространяла по музыкальным магазинам всех стран мира. Ее второй профессией стал ди- джеинг.

ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ АВГУСТА МОСКВА

В последнюю минуту перед отправлением поезда я вбежала в вагон аэроэкспресса. Обе Марины стояли в тамбуре, окруженные чемоданами. Рядом с ними маячил пятилетний Матвей.

Марина выругалась.

Мне пришлось признать свою вину:

- Ну прости, я же все-таки успела!

В аэропорту мы пополнили запасы спиртного. Девушки купили бутылку коньяка, я выбрала свое шампанское.

В полете мы наполняли содержимым пластиковые стаканы и пили за предстоящее путешествие. Меня колотил озноб.

Мы прилетели днем. В аэропорту, получив багаж, я посадила троих на автобус и отправилась искать машину.

Предвкушая восторженные крики Нанди, из трех предложенных автомобилей я выбрала серебряную ауди. Свои первые километры по Греческой земле я проехала еще пьяная от шампанского и совершенно обезумевшая счастьем прилетавшей через несколько часов Нанди. Я была обезумевшей и бесстрашной. В машине отсутствовал навигатор.

За время ожидания я успела купить необходимый набор продуктов, воду и бутылку отличного шампанского. Я вырулила к зданию аэропорта, дотошно вглядываясь во все мелькавшие указатели точно к моменту приземления ее самолета. Последний минуты ожидания были томительно-нервными.

Вдруг Нанди появилась в разъехавшемся проеме стеклянных дверей, неизменно тонкая и заметно нервничавшая. В небесно- голубой джинсовке и тонкой, плотно облегающей футболке, надетой прямо на голое тело.

Первые несколько минут в машине мы не могли толком ничего друг другу сказать. Обрывки фраз, обрезки поцелуев, недокуренная, выброшенная на дорогу сигарета. Это было наше время, начало нашего длинного путешествия. Мы наслаждались этим ощущением обладания временем.

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ МИНУТ

Нанди деловито вытащила навигатор, вбила нужный маршрут. На трассе она сменила меня за рулем, смеясь и ругаясь моему безумию и невнимательности. Мы наслаждались каждой минутой проведенной рядом.

Когда мы подъехали к гостинице, уже опустилась теплая ночь.

За стойкой в вестибюле маленькой частной гостиницы нас встретила сонная хозяйка.

Она помогла нам устроиться в небольших апартаментах первого этажа. В спальне стояли цветы, ваза фруктов и шампанское. Все это предусмотрительно заказала для Нанди.

Всю ночь мы пили шампанское, безостановочно говорили и наслаждались в перерывах нашей осязаемой близостью.

Ранним утром, едва проснувшись и быстро позавтракав под лучами рано взошедшего и уже обжигавшего солнца, мы выехали в сторону порта.

Подъезжая к Кавале выяснилось, что Нанди забыла перевести часы. Мы пропустили только что отплывший паром в сторону острова.

В ожидании следующего, мы зашли пообедать в ближайшую таверну. Все еще нетрезвые, мы заказали вина. В ожидании медлительных официантов у Нанди началась гипогликемия. Я бросилась на кухню, требуя дать мне стакан воды и сахар. Трясущимися руками, то ли она - то ли я - заставили ее выпить. На пароме она радовалась как ребенок, стоя в розовой развивающейся рубашке на тонком теле и опираясь на металлические борта - кормила с руки огромных чаек. Чайки кричали, подлетая совсем близко, так что при желании их можно было схватить рукой прямо на лету. Нанди торжественно вскрикивала от страха и азарта, кидали им шмотки хлеба, которые те ловили на лету.

А потом мы целовались, утомленные свежим воздухом и коротким сном, переплетенные руками, уткнувшись в глубокие сиденья диванов на нижней палубе, и бережно скрывающиеся высокими спинками сидений.

На острове нас встречали Марины. В какой-то напряженной суматохе из-за только что состоявшегося знакомства, разницы языков и времени, одновременного разговора сразу со всеми. Мы обежали ближайший магазин продуктов. Нанди скользила вдоль рядов между скудного выбора продуктов, выбирая пасту, что-то лепетала себе под нос.

Мы накупили разноцветного вина, перепутали маргарин, который Нанди зачем-то схватила вместо масла. Мы были обезумевшие, все продиктованное жизнью казалось нам не важным. Приняв горячий душ и расслабившись, весь вечер мы провели в кровати, не замечая садящегося солнца, не ощущая времени, утопленные нежностью и успокоенные ароматами зажженных свечей. К ужину мы спустились с позорным опозданием. Мы пили вино, о чем - то говорили, про что-то смеялись. Но ни я - ни Нанди, не ощущали реальности происходящего,

Мы были уже далеко, унесшиеся мыслями в наше воздушное, окутывающее и вздрагивающее при внешних колебаниях море.

В полдень следующего дня, нежась в обжигающий лучах греческого солнца, переплетаясь всеми частями тела мы занимались любовью на пустынном пляже. Людей на острове в этот час почти не было.

- Ну надо же, здравствуй! Ты тоже приехала? - слышался занудный голос прямо над нами.

Я с досадой приподняла голову, разглядывая пришельца, осмелившегося потревожить нас.

От неожиданности Нанди дернула свою руку .

Потревожившим нас оказался аш сосед - Платон.

Худенький старичок в мокрых плавках приблизился к нам почти вплотную.

Только теперь Нанди открыла глаза.

- Добрый день. Дааа, наслаждаемся местной тишиной - протянула я удрученно. Но он как будто и не замечал тени недовольства в голосе, усевшийся прямо в песок в метре от нашего пледа.

Нанди настороженно прислушивалась к русской речи, стараясь угадать смысл произносимого. Она нечего не понимала.

Платон с любопытством пошарил по ее загорелому телу взглядом.

Затем выудил откуда-то сосновую ветвь и теперь ворошил ей хрупкий песок.

С точностью попугая Нанди повторила вполголоса, ликуя победу, услышав мой вынужденный смешок: - Борый ден, ты риехала!

Кажется Платон даже не ощущал своей бестактности.

- Чертовы соседи, - объяснила я Нанди на французском. Впоследствии они действительно сыграют для нас в этом путешествии роковую роль.

ДВУМЯ ДНЯМИ ПОЗЖЕ

После легкого ужина состоявшего из вина и морепродуктов, пока Марины убрали посуду со стола, мы с Нанди поднялись на второй этаж. Разошлись по соседним комнатам.

С первого этажа доносились звуки последнего диска производства Harry Music. Через 10 минут Нанди первая вбежала ко мне в комнату и застыла в дверях, сдерживая хохот и крепко сжимая бокал с шампанским.

Я не выдержала, рассмеявшись от ее нетерпеливого взгляда. На Нанди был ее свадебный наряд.

Он состоял из белых кружевных трусов, полупрозрачной того же цвета рубашки, накинутой на обнаженное, просвечивавшее тело, и белых кед, с торчавшими из них коротенькими носками.

На мне было прозрачное платье в старинном стиле до пола и дымчатые туфли на высоком каблуке. В руках я сжимала две пышные фаты. Одна крепилась к

заколке для волос, и предназначалась для украшения моей импровизированной свадебной прически.

Другая была пришита к обручу и должна была украсить растрепанную голову Бенджи.

Последним штрихом стали белые, одного стиля подвески. Бенджи тут же натянула одну себе на ногу чуть выше колена и брызнула от хохота.

На первый этаж мы спускались под руку, бережно удерживая друг друга.

Поздравления под современный ремикс марша Мендельсона и обмен обручальными кольцами. Мы танцевали на открытой веранде, пили шампанское и в волне упоенного безумия целовались. Потом курили самодельный кальян, используя вместо забытой чаши свежесвыпотрошенные лимоны.

Особенно забавным оказалось то, что обе мы ошиблись с размерами колец. Из этой поездки я увозила на

своим среднем пальце левой руки кольцо, расширявшееся к верхней своей части и украшенное маленькими камнями. Горечь предстоящего расставания обострялась ранним отъездом, мы простились с домом и выехали еще до того, как жидкий рассвет разлился над островом.

На правой руке Нанди осталось широкое кольцо, ограниченное со всех сторон и отсылавшее своей формой к светящемуся шару под потолком ночного клуба.

СЕНТЯБРЬ

Мы прилетели в Турцию, и счастливые, не выпуская друг друга из рук, сняли небольшой номер в самом центре Стамбула.

Был полдень.

Нанди лежит вытянувшись в полный рост посреди двуспальной кровати в отеле. Рубашка, надетая на голое тело расстегнута. В ее руке плавится сигарета. Ноги и строение тела 14-летней девочки существуют в сочетании с морщинами вокруг глаз, строгими вертикальными складками над переносицей, что сбивает с толку при определении ее возраста. Ей можно назначить ровным счетом как 14, так и все 60. Бодро разбросанные веснушки, чутко улавливающие солнечные лучи. Их число увеличивается в геометрической прогрессии с его восходом. Руки с длинными изящными фалангами пальцев заканчиваются короткими прямыми ногтями. Кожа на руках разбита мелкими морщинками и разбросанными крупно выступающими венами с мелкой крапинкой сползавших веснушек. Это одно из немногих, что выдает ее возраст. Я - в ее противоположность абсолютно женственна, с ровным загаром, в легком летнем платье, стою рядом неподвижно. Она смотрит в окно. Из-за распахнутой настежь створки слышится песня, призывающая на дневную молитву. Этой песней стонет город и без того переполненный шумом и криками чаек. На противоположном углу площади высится укоряющим целомудрием мечеть. Нанди заговаривает, глядя перед собой в пустоту.

- А что если он нас все-таки видел? Как я ненавижу этих наблюдающих, этот патологический интерес на грани безумия меня пугает. Он же не зря подошел.
(пауза в одну затяжку)

Не зря.

Я, не в силах оторвать застывший взгляд от окна:

- А ты знаешь, мне совсем не страшно. Ну и пусть он все теперь знает. Мне его даже жаль - в его жизни не было ничего волнительнее собственной свадьбы.

Мы - уже за пределами нормы.

Нанди, затушившая сигарету в пепельнице на окне и глядя на мое бледное лицо:

- Думаешь он все расскажет? Он похож на трепло.

Я поворачиваясь к ней.

- Так даже будет лучше, если не я - а кто-то другой скажет правду.

Так ей легче будет пережить.

Нанди возвращается в прежнюю позицию и замирает. Ее красота - пронзительная и естественная, практически на грани уродства. Она нащупывает (чуть приоткрывая рот пересохший от вечно неотступавшей жажды) языком край металлической пластинки, которая крепится с внутренней стороны зубов. Ее глаза часто меняющие цвет (он исходит из золотисто-карих оттенков и утопает в серо-зеленых), устремлены в себя. Они существуют в какой-то магической зависимости от освещения. Руки лежат неподвижно на тонких складках постели. Короткие волосы (помесь естественной седины и окрашенных светло- белых, с карамельным оттенком на шее у корней) кажутся сухими после жесткой воды.

Я подхожу и забираюсь на край кровати с босыми ногами. Бенджи осторожно берет меня за руку.

- Давай наслаждаться сегодня. Не люблю, когда с твоего лица уходит улыбка.

Нанди нежно улыбается уголками нечетко очерченных губ.

Отточенный нос - аккуратно-утонченный. Она похожа на одну из дам в пышных платьях, сошедшую с византийских полотен. Перепутанные, чуть завивавшиеся на окончаниях ресницы, растущие в своем коротком хаосе, покрашены неумелыми движениями тушью, которая к полудню оказалась размазанной вокруг.

Она лежит неподвижно в белых трусах и носках, которые почти никогда не снимает. Ее холодные бледные ноги, которые не пощадила болезнь, кажутся самой безжизненной частью

тела. Комната залита неподвижным солнечным светом. Рядом с кроватью на полу разбросаны глюкометр, полоски индикатора, открытая пачка таблеток и ручка инсулина.

Мы так умиротворенно-спокойны, молчим, практически забыв, что происходило двумя часами ранее.

ДВУМЯ ЧАСАМИ РАНЕЕ

Еще в темноте раннего утра я просыпаюсь от того, что Нанди прижимается ко мне под одеялом всем своим мокрым, дрожащим телом. Сквозь сон я не сразу понимаю, что происходит.

Она быстро осыпает мое еще сонное лицо поцелуями и, натянув майку, спортивные штаны и тапочки, выбегает из номера, повторяя что-то про завтрак. Пока ее нет, я окончательно просыпаюсь. Уже привыкшая к подобным чудачествам, не одеваясь, следую в душевую кабину.

Нанди возвращается с подносом в руках, на который она водрузила три чашки кофе, несколько оторванных ломтей серого хлеба и сухофрукты. Ставит поднос на край стола, тут же вбегает в ванную комнату, скинув на ходу всю одежду, и влезает ко мне в душ. Ее лицо - побледневшее, с резко сузившимися зрачками ровно-зеленых холодных глаз. Тело бьет мелкая судорога. Она бессвязно повторяет, что не все в порядке.

-Что-то не так, что-то происходит...

Я прижимаю ее дрожащее тело к себе, успокаивая, как ребенка. Уже зная, что надо действовать спокойно и последовательно. Шагаю из душа, накидываю висящее рядом полотенце, стягиваю второе для Нанди. Протягиваю руки, призывая ее последовать ко мне. Она все так же стоит ослабевшая под струями воды, стекающей по ее бледным щекам, на ватных ногах, которые теперь не слушаются. Боится переступить порог. Я зову ее нежно, уговаривая:

- Ну, иди же ко мне, давай, всего один шаг. Не бойся, я буду тебя держать, просто помоги мне.

Услышав мой мягкий ровный голос Нанди испуганно вскидывает брови и мотает головой в знак протеста:

- Нет-нет, не сейчас, просто у меня нет сил. (запинаясь, повторяет несколько раз)

Я продолжаю призывно протягивать руки с полотенцем наготове. Наконец, решается. Слегка пошатнувшись, она хватается за раскрытые дверцы душевой кабины и переступает на коврик. Мои быстрые руки тут же принимают ее в объятия и растирают нервное тело. Я подбадривающе улыбаюсь в знак того, что все будет хорошо. Обернув ее талию полотенцем, зову следовать за собой в комнату. Обессилевший корпус ее не двигается. Она вдруг заговаривает голосом, предвещающим подступающие слезы:

- Но я не могу босиком, мне совсем нельзя ходить босиком!

Я вздыхаю, спохватившись, что и правда, забыла дать ей обувь. Хватаю подвернувшийся, еще нераспечатанный комплект тапочек, помогаю ей обуться и дойти до кровати, которую еще не успела застелить.

Лицо Нанди взволнованно. Неуверенно, вздрагивающими пальцами она расстегивает прибор. На пол из него сыпется все содержимое. Привычным движением, отработанным до автоматизма, она прокалывает безимьянный палец, сжимает его до появления мгновенно пробившейся капли крови и прикладывает к пластине глюкомера. На экране тут

же высвечивается критическое значение. Наш предательски- низкий сахар, зачавший падать по утрам. Я в страхе обнимаю ее хрупкую фигуру, переставляя поднос на свои колени. Она чуть не теряет сознание.

- Тебе надо быстро поесть, я положу тебе сахар в кофе.

С трудом заставляю ее проглотить несколько кусков сладкого хлеба, который Нанди съедает почти не жуя и запивает приторно-сладким кофе.

Лицо ее на секунду замирает и неожиданно раздражается слезами. Всхлипывая как ребенок, одновременно сотрясаясь в нетерпении всем телом, она трет глаза, слезы на которых всегда только выступают, чуть смачивая ресницы. Я прижимаюсь к ее мокрым щекам, осыпая поцелуями края губ, приглаживая тонкие влажные волосы.

Так же внезапно Нанди успокаивается.

Вдруг она нервно вскакивает, начиная свое беспорядочное перемещение по комнате, перебегая из одного ее угла в другой.

- Я что-то забыла, я ... мне надо было что-то сделать и я пришла сюда...очень холодно. Чертовски холодно в этом городе!

Глаза ее беспрерывно мечутся между окружающими предметами, которые она зачем-то берет в руки и мгновение

спустя отбрасывает. Ее шея покрыта мелким узором красных пятен, которые одновременно напоминают аллергию и неровный загар.

Наконец в ее руках оказывается пачка сигарет. Скорее инстинктивно, чем осознанно, она вынимает из нее одну. Прикуривает и подходит к окну, высунувшись обнаженная по пояс. Ее тело облепляют солнечные лучи.

Она молча курит.

АФИНЫ

Самолет невозмутимо шел на посадку, обласканный первыми лучами восходившего солнца. В колыбель греческой культуры я прилетела первой. На выходе из аэропорта тянулась лента безупречно-одинаковых такси. И я не медля отправилась искать нашу гостиницу в старом центре Афин. Отель оказался небольшим трехэтажным зданием с открытой террасой на крыше, с которой открывался завораживающий вид на город. Улыбчивая консьерж выдала ключи от номера, находившегося на втором этаже, в окне которого в полный рост восстал Афинский Акрополь. Нанди в этот момент садилась в самолет с друзьями. Бродя в томительном ожидании по нашему номеру, я размышляла о предстоящей встрече. Время, казалось, застыло на месте. Я поднялась в бар, располагавшийся на крыше отеля. Пока я уговаривала удивленных официантов найти мне вазу, солнце застыло в зените и поглотило светом весь город так, что исчезли даже тени. Вместе с вазой мне удалось отвоевать подставку для шампанского. Вылетая из Москвы, прямо в аэропорту Шереметьево, я купила бутылку «Советского шампанского». Пришлось объяснять, что я нахожусь в ожидании любимой девушки, что недавно мы поженились, и свадьба проходила в Греции.

Затем спустилась на первый этаж и, отдав ключи на ресепшн, я отправилась на прогулку.

Я пошла бродить по узким улочкам, старательно выложенным брусчаткой, мимо сидевших в ресторанчиках и со стороны следивших за дневной суетой местных жителей. Я купила белые розы для Нанди, свечи лазурно-голубого цвета, а также набор первой необходимости: хлеб и кока-коллу, на случай неожиданных гипогликемий.

Вернулась я в номер к вечеру. Долго лежала без движения, безуспешно пытаюсь уснуть. Сердце отказывалось сбавлять темп, не смотря на то, что я была уставшая и вымотанна дорогой. До приземления ее самолета оставалось несколько минут. Я приняла прохладный душ, зажгла несолько свечей и поставила цветы в вазу, спрятав их за тюль, касавшейся краями пола. Затем передвинула столик и два стула к распахнутому окну и убрала шампанское в холодильник. Дневная жара нехотя отступала, сменяясь предзакатной прохладой.

Спустя четверть часа Нанди вбежала в номер, и едва захлопнув дверь, бросилась мне в руки, уткнувшись носом, губами, лохматой челкой в мое лицо. Я запустила обе руки под ее распахнутую рубашку, пробираясь все выше к нежно торчавшим, почти детским лопаткам. Я ощупывала каждый сантиметр ее нервного, напряженного и вместе с тем поддававшегося мне тела.

Всеми прикасавшимися к ней поверхностями я чувствовала удары ее сердца, колотившегося, казалось, с вечным ускорением.

Потом она нервно курила, ревниво целовала меня каждую минуту. Мы пили советское шампанское в номере и обе готовы были расплакаться от счастья. Ужин прошел весело и спокойно с прибывшими вместе с Нанди друзьями в небольшом ресторанчике. Мы заказывали без разбору морепродукты и пили вино. Я целовала ее в макушку, в то самое место откуда растут волосы, зарываясь носом в ее нежные суховатые растрепанные пряди, и погружаясь в ее запах. На следующий день мы ужинали в том же ресторане с ее подругой. Яну стало плохо, его мучали мигрени. Вместе с Жереми вернулись в свой номер, а мы вместе с Виксен Нанди и ее греческой приятельницей отправились на разведку в ночной клуб. Музыка гремела, пьяная веселящаяся молодежь подхватывала популярные греческие хиты. А мы прижимались друг к другу в толпе, вдыхали запах наших тел и наслаждались необходимостью тесной близости.

На следующий день мы оказались на крыше только к полудню. Друзья давно ждавшие нашего появления, расположились за столиком в лучах солнца и порывах пронизывающего ветра. Я забыла темные очки и щурилась на солнце, силясь разглядеть лицо Нанди. Мы заказали сырное ассорти и красное вино. Спускаясь в номер, Нанди неожиданно призналась мне, что она бесстыдно пьяна. Вторую половину дня мы отдали экскурсии, открывшей тайны Афинского Акрополя.

Прогуливаясь вечером по коротким виляющим улочкам то поднимающимся вверх, то спускающимся вниз, мы тщетно искали открытый ресторан. Мы оказались в городе в не сезон и все заведения закрывались рано.

Проходя мимо очередного закрытого ресторана, Нанди начала заметно нервничать.

Ян попытался успокоить ее.

- Ты не понимаешь, - в отчаянии вскрикнула она, - мне нельзя терпеть голод! Может случиться кома!

Спустя пару минут мы нашли открытое заведение, напоминавшее скорее столовую. Кроме нашей компании и парочки местных в заведении никого не было.

Нанди схватила со стола бутылку с водой, изображая девушку с рекламного плаката Evian. В свете тусклых ламп морщины на ее лице проступили сильнее, и на узких скулах легла тень. Я смотрела на нее и в эти секунды она казалась мне прекрасной в своей усталой истоме, а вместе с тем совсем родной.

НЕЗАМЕТНО НАСТУПИВШИЙ ДЕКАБРЬ Раз в месяц мы встречаемся в Париже.

Часто я прилетала к ней не спавшая, в охватывавшей еще в самолете дрожи и разливающимся по всему телу волнении. Нанди встречала меня у шестой двери аэропорта, бледная и испуганная. Она боялась, что может случиться что-нибудь сверхъестественное и я не появлюсь в дверях. Мы проводили наши летевшие с бешеной скоростью дни с перемешанными часами ночей как приклеенные, боясь упустить хотя бы минуту вне нас. Ужинали в ставшем символическим ресторане, иногда играя затем ночь в клубе. Засыпали, обнявшись под утро и опустив внешние жалюзи так, чтобы больше не понимать разницу дня и ночи. Мы были счастливы и несчастны. Мы были одни.

Нанди всегда с каким-то особенным рвением отмывала до блеска окна, стирала капли воды на зеркале и смесителях сразу, как только они появлялись, несколько раз в неделю тщательно мыла полы и вытирала только что севшую пыль отовсюду, куда падал ее взгляд. На кровать, когда мы ложились спать, она расстилала на простыне махровое полотенце. Иногда по ночам она просыпалась вся мокрая, с бешено колотящемся сердцем. Ее мучали ночные гипогликемии. Она наполняла ванную водой и как ребенок плескалась. Потом выходила с обнаженным разогретым до красна грациозным телом на белоснежный коврик, растирала волосы полотенцем и становилась похожа на ежа. Быстрыми движениями растирала по удивительно мягкой коже крем, обсыпала себя ароматным тальком, рылась в кульке с нижним бельем выбирая себе трусы, а потом выбегала мне их показать.

Чаще всего ходила без лифчика и ее маленькая грудь выделялась лишь двумя проступающими бусинами на фоне плоского тела.

КОНЕЦ МАЯ ГРЕЦИЯ

За стойкой ресепшен: - У вас будет один номер с вашей мамой?

Моя виза заканчивалась и продлив ее на несколько лет, я была обязана вылететь в Грецию. Мы сняли

Я примчалась в аэропорт, удрав на два часа раньше с работы. Несмотря на жаркое греческое лето на мне было темно-синее облегающее платье чуть выше колен с бархатным крестом широких лямок на обнаженной спине, и легкий пиджак. До вылета оставалось полтора часа и я не спеша отправилась к стойке регистрации.

Происходившие далее события происходили с молниеносной быстротой сумасшествия.

Работник компании, в течение нескольких долгих минут штудировавший компьютер, объявил, что на этом рейсе меня просто нет. И посоветовал разбираться с компанией, рейсом которой я должна была вылетать в Афины. Спустя час безуспешных метаний по аэропорту, ведущая российская авиакомпания лишь подтвердила мою абсолютную непричастность к данному борту самолета.

В это же время Нанди, уже садившаяся на рейс Париж-Афины и не переставая мне названивать и отправлять сообщения, где-то медленно сходила с ума.

Мой рейс улетел. Было странно стоять одной посреди бушующего холла аэропорта и до слез обидно. Собравшись с мыслями, я отправилась в ближайшее окно продажи билетов и по счастливой случайности купила места на оставшиеся ночные рейсы. За ночь мне предстояло сменить аэропорт, познакомиться в аэроэкспресе с несчастным геологом, девушка которого застряла где-то между городами и увидеться им было суждено теперь не раньше чем через несколько месяцев, провести остаток вечера с друзьями и отправиться последним ночным поездом к новому рейсу.

Когда я вошла в комнату, она не спала. Нанди тихо лежала на кровати под простыней, прижимая к себе мое скомканное летнее платье. Она тихо плакала. Последующие четыре дня мы провели не отходя друг от друга ни на секунду. Лежали прижавшись друг к другу на пляже, прогуливаясь по небольшим магазинам, забитым бесчисленными сувенирами для туристов, ужинали в тихих прибрежных тавернах. В последний наш вечер услышав песню, звучавшую в барных колонках, Нанди вдруг замерла и тут же заплакала. Позже она объяснила, что эта песня связана с воспоминаниями о ее маме, которая умерла три года назад от рака поджелудочной железы, не выдержавшей натиска диабета.

На следующий день когда Нанди улетала, погода испортилась. За несколько часов до ее отъезда она оплатила наш номер до завершения дня и мы несчастные и безумные бросились в море, наслаждаясь последними минутами рядом. Потом она улетела. И

весь оставшийся отрезок дня я бродила по опустевшим кафе, где мы сидели настолько близко, чтобы чувствовать запах друг друга. Лежала в надежде уснуть на половине кровати, где спала Нанди, еще хранившей запах ее тела,

гладила тяжелых черепак в саду, одну из которых Нанди из любопытства пыталась поднять.

А сидя уже в самолете, захлебываясь от нестерпимого одиночества, я начала писать.

ИЮЛЬ ПАРИЖ

Я прилетала поздним вечером. Ее подруга примчалась встречать меня в аэропорт CDG, так как Нанди играла на вечеринке в ночном клубе Alcazar. С собой у меня был только паспорт, букет оранжево-красных роз, которые я ревниво оберегала весь полет и бутылка водки для подруги, приехавшей меня искать.

А уже спустя час я поднималась на мезонин, трепетно сжимая в руках голые цветы. Нанди бросилась мне на встречу. Она была одета в черную, облегавшую ее подростковое тело и бесподобно сидевшую на ней рубашку и черные штаны. На ее шее красовалась тонкая нитка глухо сверкавших красных бус, подчеркивающий тонкость ее загорелой шеи.

Мы наслаждались счастьем нашей встречи в окружении друзей и знакомых, пили шампанское, утопленное в ведре льда и окруженное торчащими розами. Нанди не отходила от меня не на шаг, держала за руку, словно ребенок, боящийся потерять мать. А следующим утром мы вылетели на Ибицу. Перелет был спокойным. Тихо и уютно было сидеть рядом, слушать шум мотора, вдыхать запахи друг друга и разговаривать.

Наш номер в отеле оказался двухкомнатной квартирой с небольшой кухней-гостиной и спальней. Мы ужинали на первом этаже в небольшом ресторане с видом на море. Отдыхающих было не много. Вдоль набережной прогуливались пары местных жителей с собаками. Вечером мы бродили по набережной до самого заката.

Четыре дня мы провели вдвоем, отдыхая на пляже, ужиная в известных ресторанах на берегу моря, изредка выбираясь в клубы и возвращаясь бегом, чтобы провести длинную ночь прижавшись друг к другу.

Спустя несколько дней мы переехали в новый, только что открывшийся Hard Rock Hotel, где должен был проходить музыкальный саммит. Нанди получила свои браслеты участника, отдала их мне и уже спустя час на ней оказалась новая пара. Девушки на ресепшене были удостоены выговора о невнимательности за то, что якобы зарегистрировав нового гостя просто забыли дать ей браслеты. Итак, вдвоем мы оказались в только что достроившемся номере отеля на втором этаже незаконно. Несмотря на заволаживающую ценовую категорию отеля, признанного еще до своего открытия лучшим в Европе, душ катастрофически протекал лужами в комнату, а отделочные материалы местами отваливались. На первом же завтраке, Нанди своровала с нашего столика пепельницу. Она часто воровала плохо лежащие мелочи из отелей и притаскивала их в квартиру или в свой дом Aragón.

На следующий день в отель приехал ее директор - Пьер. Им оказался взволнованный француз с мелкими кудряшками седых волос, рассеянный и вечно забывавший повсюду свои очки. Мы ужинали с ним и молодой парой артистов в ресторане наивысшей классификации. Помимо нас редкие столики занимали такие же артисты и люди бизнеса, приехавшие на три дня саммита или элитные шлюхи высокой масти. Почуввав наше в Нанди взаимное притяжение, Пьер любезно настаивает проводить меня в дамскую комнату, по пути засыпая вопросами из разряда: откуда ты ее знаешь и какие отношения вас связывают? Я уклончиво объясняю, что я - архитектор и прилетела изучать город. Пьер с хитрой улыбкой корит меня в провальной неубедительности. В течение следующего дня Нанди работала. Каждые 15 минут, начиная с короткого завтрака, к ней подходили продюсеры, клипмейкеры, владельцы записывающих студий и музыканты. Она заказывала кофе, бокал вина и слушала приносимые ей записи. Во время прослушивания она молчала, кивала головой или хмурилась, погружалась в музыку, звучащую из наушников, изредка улыбалась. По вечерам мы сбивали предательски поднимавшийся сахар шампанским.

В один из таких вечеров мы оказались в ресторане большой многоязычной компанией. Ужин проходил за длинным столом, выставленным прямо на брусчатку оживленной улицы. Нанди много шутила, рассказывала забавные истории и веселила присутствующих. Все смотрели на нее, а я переживала волну нахлынувшей гордости, от того, что эта живая остроумная и временами серьезная женщина-ребенок сидит рядом со мной. И она меня любит. Временами Нанди ловила мой восхищенный взгляд. Я чувствовала, что на самом деле мы обе мечтаем скорее оказаться в нашей разрушающейся комнатке многолюдного отеля, чтобы залезть под огромное одеяло и прижавшись друг к другу чувствовать наше дыхание.

После затянувшегося ужина мы поднялись пешком в знаменитый старинный гей-бар. Посетителей было много. Среди щедро украшенной декорациями веранды сновали переодетые в женщин мужчины-официанты. Нанди неожиданно сказала:

- Вы знаете, что раньше я часто прилетала сюда работать. С моими друзьями-геями мы были вечными гостями этого заведения. Тогда на диванах были разложены разноцветные подушки с причудливой вышивкой, и я своровала целых две для своего дома!

И вдруг я почувствовала ее возраст. Меня пронзило ощущение старой атмосферы бара. Я посмотрела на уставшее лицо Нанди, с еще более углубившимися морщинами, на ее прикрытые тяжелыми веками глаза и подумала: ведь ей давно уже не 20, 30, и даже не 40. Каждый час мы слышали гул снижающегося самолета.

Нанди надевала майки наизнанку, чтобы швы и этикетки не царапали и не натирали ее нежную кожу.

Ее квартира представляла собой одну комнату, соединявшую в себе: кухню, отделенную барной стойкой и маленькую ванную комнату, выложенную мраморными плитками и с красными стенами доверху.

Единственным окном была раздвижная дверь на балкон во всю ширину комнаты. Утром в любое время года Нанди распахивала ее настежь, впуская свет и свежий воздух.

Прямо под окнами раскинулось старинное кладбище. Нанди часто шутила, что ее соседи - тихие ребята, и что перед нами и есть наше будущее.

К вечеру в комнату ворвалась Нанди. У нее был взволнованный вид. Она бросилась ко мне со словами:

- Ты не отвечала на звонки целых два часа!

- Конечно, ты же сама отправила меня в СПА!

Тут она заметила появившуюся бутылку рекламного пива на столе и тут же схватила ее, дернув пробку. Пробка не поддалась. Тогда она автоматически вынула зажигалку и стала с усилием поддевать жесткую металлическую крышку. Зажав неумело зажигалку, она дернула крышку. Зажигала скользнула по пальцу, чуть ободрав и без того облезший ноготь и кожу.

Нанди выругалась.

- Я сейчас поранюсь!

С еще большим ожесточением она чиркнула зажигалкой по металлу, с безумным воплем обрезав палец до крови. Она в ужасе бросилась ко мне сжимая палец, уже обтекавший кровью. На ее мгновенно побледневшем лице выступила холодная испарина.

Быстро среагировав, я схватила аптечку, наугад вынимая средство чтобы промыть рану.

Увидев пузырек в моей руке Нанди взвизгнула: - Нет! Это будет жечь!

Я приложила бинт, пропитанный обеззараживающим раствором, подержала несколько секунд и наклеила пластырь.

Прикрыв испуганные глаза Нанди, как затравленный зверек, заползла на кровать.

- Голова кружится!

Только не потеряй сознание, подумала я. Ты же взрослый ребенок!

На следующий вечер мы запланировали поход в самый знаменитый на острове клуб РАСНА. Чтобы послушать музыку и окунуться в атмосферу хаоса этого заведения, молодежь слеталась со всех уголков света.

На входе нас встречала очередь из разношерстной публики. Одни были одеты в какие-то дорогие и стильные наряды, другие рядом с ними стояли в старых, не первой свежести спортивных костюмах. Везде царил оживление.

Мы протиснулись сквозь веселящиеся в ожидании лица. Во все ночные заведения нас пропускали без очереди. Внутри ждало еще большее скопление

людей. Клуб состоял из нескольких залов, отличавшихся музыкой и тематикой. Все они выходили в основной огромный зал, большую часть которого занимал танцпол. По центру возвышался небольшой огороженный подиум, предназначавшийся для ди-джея и несколько подиумов с профессионально танцующими девушками в ярких и парнями в ярких костюмах. Мощь светового оборудования поражала. Не успели мы пройти мимо фирменного магазина РАСНА, уже издали сверкавшего футболками и аксессуарами усыпанными стразами, как девушка в форме медицинской сестры, караулившая на входе в маленький боковой зал, схватила Нанди за руку и потащила внутрь. Там ее уже ждала бригада обезумевших врачей скорой помощи, в накинутых на откровенное нижнее белье халатах и с бутафорским мед-оборудованием. Под игравший здесь бойкий хаус они уложили Нанди на кушетку. В течение следующих десяти минут они скакали вокруг нее, делали импровизированный рентген и искусственное дыхание, трясли и дергали со всех сторон, давали разряды электричеством и ставили уколы. Нанди великолепно подигрывала с ходу включившись в игру и импровизируя. В тот вечер я ей особенно любовалась.

Позже, сбежав ото всех, Нанди повела меня на открытую террасу, окруженную со всех сторон, как остров, высокими деревьями. Казалось клуб плывет куда-то вместе с нами на борту. Спустившись, мы задержались в маленьком зале с ретро-старинной музыкой и интерьером. Немногочисленные любители старины размеренно двигались в такт казавшейся неестественно-медленной музыке. Бенджи задержалась, чтобы послушать. В это мгновение я всем телом ощутила ее возраст. Увидела, как знакома и близка ей играющая здесь музыка - для нас уже прошлого поколения. Я смотрела на нее, прекрасно танцующую с чуть сгорбленной спиной, разглядывала ее морщины так и не соединившиеся воедино с еще молодым

тонким корпусом, обтянутым подростковым джинсовым комбинезоном. Я ее бесконечно любила и мечтала быстрее оказаться в нашем маленьком номере, чтобы вдоволь наедине насладиться ее детским телом.

С Ибицы мы улетали тихие и опустошенные, боясь говорить вслух о предстоящем расставании.

И ВНОВЬ СЕНТЯБРЬ

Последнюю ночь в Москве я провела в съемной комнате, недалеко от Курского вокзала. Приехала моя близкая подруга - Жанна. Наконец, я дышала свободно. Мама, устраивавшая в последнее время бесконечные скандалы, за два дня до этого улетела в Грецию. Мы нехотя пили вино, я отдала Жанне все, что не могла забрать: кальян, одежду и косметику.

С разницей в два часа в конце рабочего дня стала звонить Нанди. Она была настроена решительно, и услышав что я не одна, потребовала войти в скайп. Ни о какой доли уважения не было и речи. Немедленно запустить окно скайпа - приказом звучало в моем динамике. Спустя час, на который у меня едва

хватало пререканий, я открыла компьютер. Как только недовольное лицо Нанди отразилось на экране, увидев наши улыбки, она со злостью оборвала связь. Вечер был испорчен. Жанна быстро уехала, я закончила сборы чемодана и легла спать. Мне было одиноко. Тогда еще я не знала, что это чувство одиночества будет длиться весь следующий за этим год.

Утром, сидя в опустевшей комнате, с которой я прощалась навсегда, в лучах покидавшего город летнего солнца я открыла бутылку шампанского. Меня никто не провожал. Друг, которого я попросила помочь довести чемодан до вокзала, не приехал, сославшись на загруженность на работе. Я осталась одна. Нанди еще спала. Я понимала, что через несколько часов меня ждет продолжение вчерашней обиды. Но мне было спокойно. Я уезжала одна, тихо и счастливо торжествовала свою победу над обстоятельствами. Это было мое медленное прощание с городом, со страной, с годом разочарований и несчастий, коротких встреч и невыносимых расставаний.

Я летела к Нанди, чтобы начать мою новую жизнь с ней. Чтобы заботиться и любить, делить и радоваться каждому дню рядом. Когда я сдавала свой чемодан в багаж, мне позвонила проснувшаяся бунтарка и едва проснувшись, продолжила выяснение отношений.

- Сегодня должен быть самый счастливый день в нашей жизни, - простонала я. Пожалуйста, давай отложим этот разговор. Она неожиданно согласилась. СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ЧАСА. ПАРИЖ. АЭРОПОРТ CDG.

У трапа для получения вещей толпились уставшие от ожидания пассажиры. Я попросила русских ребят, по видимому туристов, выловить мой неподъемный чемодан.

Ее квартира представляла собой

На следующее утро мы совершили прогулку на велосипедах до дома семьи, в которой мне предстояло работать. Нанди увлеченно показывала мне ближайшую булочную, продуктовые лавки, рассказывала про район.

Вечер наступил незаметно. Мои мечты побыть наконец вдвоем и насладиться нашим счастьем разрушились в одно мгновение. Нанди пригласила нашу давнюю подругу Паскаль.

Мы мирно ужинали на балкончике, пили вино и болтали. Я предвкушала момент, когда Паскаль наконец уйдет. После полуночи она взяла под мышку свою маленькую собачку и направилась к выходу.

Спустя час, лежа в темноте нашей постели я попыталась обнять Нанди. Она сказала, что ей жарко и больно. Много раз в ночи она просыпалась, сдергивая с себя мою руку. Она повторяла, как безумная - Нет, нет, я не могу! Нет!

Я ничего не понимала.

Следующим вечером мы ужинали с Яном и Жереми в небольшом ресторанчике. Нанди по-прежнему вела себя странно. А я чувствовала себя безумно одинокой. Страшно и больно было на самом деле мне.

На следующий вечер Нанди попросила меня собрать вещи уехать. За ужином мы заказали обратный билет.

Спустя несколько часов бессмысленного блуждания по магазинам, я купила ей насыщенно-синий шерстяной шарф. Ей безумно шел этот цвет, и я это знала. На нужную станцию я приехала раньше назначенного. Вышла из метро и пошла в ближайший парк. В руках у меня были белые розы для Виксен, в сумке - бутылка красного вина. Все было грустно в чистом и ухоженном парке. Уже на выходе на меня обратила внимание пожилая женщина, воскликнув: - как вы прекрасны выходящая в платье с цветами!

Я ей ответила с благодарностью. На выходе я задержалась, заговорив с детьми. Мне было так одиноко, и хотелось хоть с кем-то заговорить.

В тот вечер, Виксен, Оливье и их приглашенная подруга рассказали мне правду. Внезапным откровением стало то, что в своем загородном доме Нанди живет с мужчиной. Соединяющая их платоническая любовь и отношения странны, однако спят они в одной постели. Той самой, в которой мы проводили бессонные ночи счастья. Той самой, которая хранила переплетения наших запахов. В постели, где наши тела обретали единство. Я узнала, что этот человек помогает Нанди во всем и покровительствует. Что это он купил ей квартиру, в которой мы мечтали поселиться вдвоем.

В этот вечер я впервые услышала от кого-то свои мысли вслух, что она безумна. Вдруг странной и пугающей проявилась мне психологическая потребность Нанди без конца убираться, с настойчивой необходимостью натирать до блеска все поверхности. В один голос они говорили о ее безудержном эгоизме.

Нанди, решила проблему так, как ей было проще. Она просто отвезла ключи к дому семьи, в которую я была принята на работу и с которой поделила неделю жизни. И бросила их в почтовый ящик. Позвонив Виксен, она сообщила, что объясняться с ней не намерена. И уехала проводить вечер к друзьям в звукозаписывающую студию. В этот же вечер я звонила той женщине, извинялась и объясняла, что мне надо срочно вернуться в Москву. Боль и стыд, раскаяние и невозможность что-то изменить я чувствовала вперемешку с виной и отчаянием. Дети прислали мне расстроенные сообщения. Домой меня отвозил Оливье на мотоцикле. Сидя за его спиной я вспоминала свой самый первый день в Париже, когда в офис меня вез на мотоцикле Дидье. И свой последний день я возвращалась домой, прижавшись всем телом к холодной кожаной куртке Оливье.

Я вернулась в квартиру, открыла дверь, уверенная, что Нанди меня ждет. И застыла в ужасе. Квартира была пуста.

Я написала друзьям. Кое-как заставила себя собрать вещи. Я была уверена, что она решила не приезжать в последнюю ночь, чтобы мне хватило сил уехать. Я подписала открытку на пакете с подарком, поставив его на видное место. Спустя час Нанди открыла дверь своим ключом. Скинула на пол сумку. Я

стояла у раскрытой кровати еле сдерживая слезы отчаяния. Я просто была благодарна, что она вернулась.

Последнюю ночь мы множество раз засыпали и просыпались рядом. Нанди жалась ко мне, как провинившийся щенок, с каждым часом все напряженнее чувствуя предстоящее расставание. Неизбежность последней, таявшей ночи ощущалась все реальнее и острее. Мы больше не ссорились. Под утро на улице прямо под нашим окном ссорилась молодая пара. Девушка кричала, ругаясь на пьяного парня. Было еще темно. Вдруг Нанди не выдержала, вскочила с кровати совершенно раздетая, схватила из холодильника яйца и бросилась на балкон. Несколькими точными выстрелами она угодила прямо рядом с враждующими. Они испуганно замолчали. Нанди, еле сдерживая победоносный смешок, присела на корточки за ограждением. Ее худощавое тело промелькнуло на фоне света уличных фонарей.

Утром, молча позавтракав, она помогла мне спуститься в такси. Мы обнялись как-то совсем по-братски. Я села в такси, и больше не глядя на нее и не оборачиваясь, назвала адрес аэропорта. Мы обе теперь не понимали происходящее.

Я металась по зданию аэропорта, Нанди звонила каждые десять минут. Она просила меня вернуться, сама не зная, чего хочет. Я сдала багаж и улетела. Моей боли не было предела.

А дальше последовали месяцы тишины.

Больше всего меня поражали ее детские колени.

Ступни при этом, деформированные узкой обувью, были всегда холодными и бледными. Средний палец на обеих сильно выступал над остальными, в то время как два соседних под ним смыкались, образуя покоробленную компанию. Бугристые серые ногти были скорее обкусаны, чем подстрижены. Их обломленные пластины выглядели изуродованно. Подошва ног при этом была удивительно мягкая, с нежной тонкой кожей, как у новорожденного. Как мне было оъянить Нанди, что наибольшим счастьем было для меня держать в руках эти крохотные ступни, втирая в них крем, при этом стараясь не смотреть на свою работу. Когда мой взгляд падал на ее ноги, Нанди смущалась своего уродства, одновременно тая от получаемого удовольствия.

Не менее трогательным акцентом в ее образе были длинноватые зубы, пожелтевшие от кофе и сигарет, с черной каемкой у основания. Сзади их поддерживала металлическая пластина.

В один из бесконечных своей пустотой осенних вечеров Нанди вдруг написала, что только что вышла из госпиталя и что уже второй день у нее идет кровь изо рта. Я посоветовала ей обратиться к врачу и бросить курить. Спустя сутки пришел ответ, что она больше не курит, ей надоели врачи и она едет поездом в Амстердам на очередной музыкальный саммит. Что взяла с собой инсулин и ей на все уже наплевать. Ответить мне было нечего.

А потом снова был госпиталь. Она посылала мне редкие короткие сообщения. Шли недели, приближался конец года. Я купила билеты в Париж и собиралась провести неделю у

наших общих друзей, а в первых числах вылететь оттуда в Грецию.

Для меня вдруг настал период счастливого безумия. Я устроилась на новую работу. Нанди стала писать почти ежедневно. Посреди ночи меня нередко будили сообщения, где она уверяла меня, что любит. Она проклинала себя за совершенную ошибку, писала, что хочет просить прощения стоя на коленях. При этом встретится и приехать мне не предлагала. Мои вещи по-прежнему хранились у нее в квартире. Я искренне отвечала, что по-прежнему ее люблю, и не верила больше ни одному ее слову.

Была середина ноября. Я погрузилась в работу. Нанди то писала днями и ночами, то пропадала. Несколько раз с энтузиазмом бралась заказывать мне билеты но вместо этого летела в Марокко и Бельгию, играла вечеринку на пароходе в Париже.

Я перестала ей верить и ждать.

17 ноября я получила сообщение, что умерла мать Алекс, долгие годы болевшая и передвигавшаяся в инвалидном кресле.

На мой вопрос - как она, Нанди ответила: «Алекс знала, что она должна скоро уйти. Она была готова».

25 НОЯБРЯ

Нанди заказала мне билеты в Париж на 19 - 24 декабря. Я изменила условленную дату с 23 декабря на 24.

23 ноября ей исполнится 47 лет.

Я не ощущала абсолютного захлестнувшего меня счастья, нет. Скорее по телу разливалась терпкая боль. Про новогоднюю ночь, запланированную в Париже у друзей, я не сказала ни слова.

19 ДЕКАБРЯ

Я вылетала днем. Бежала из офиса к аэроэкспрессу, когда в Москве вдруг пошел первый настоящий снег. В аэропорту, покупая свое вечное шампанское, я познакомилась с французом. Оказалось, что он работает художником и расписывает детали интерьеров на объектах строительства. Он долго рассказывал о своем ремесле, показывал примеры на фотографиях, в то время как я плыла в потоке мыслей. Мне просто надо было разделить с кем-то ликование покидаемого одиночества. Когда объявили посадку, позвонила Нанди, проснувшаяся после ночи в Альказаре, где она играла частную вечеринку. Она с беспокойством сообщила, что в Париже предрождественские пробки, и она не придет встречать меня в аэропорт. Чтобы я взяла такси, за которое она, несомненно, сама заплатит. Нам обеим было ясно, что все сказанное было безискусной ложью. Все уже было неважно. Я ликовала. Самолет нес меня к моей единственной, не оставлявшей ни на минуту с

момента нашего расставания цели - увидеть Нанди. Взглянуть в глаза и хотябы на расстоянии почувствовать ее запах.

В самолете мой новый знакомый, расположившийся несколькими рядами ближе к выходу, трогательно передавал мне через бортпроводников шампанское. Я улыбалась парню, приносившему мне передаваемые стаканчики, восторженно раздавала улыбки, раскидывала визитки. Мне хотелось стонать от ощущения счастья. Никто не мог бы догадаться, что моя выплеснувшаяся на всех окружающих любовь и общительность была лишь явлением предвкушения.

Я прилетела и бросилась в метро, которое шло с бесконечными остановками из за забастовок машинистов. Спустя два часа я добралась до города. Это намеренное ожидание и неведение было своего рода наказанием за ее эгоизм. Когда я вошла в незапертую дверь, Нанди нервно вышагивала по квартире одетая с сигаретой и пила далеко не первую чашку кофе.

Мы поехали ужинать в наш ресторан где она заказала наш обычный дальний столик на антресоли. Мы заказали шампанское, а затем вино. Я выплеснула на нее все, что на копилось в моих мыслях, облегчением предаваясь накатывавшим волнам обиды и разочарования. Нанди при этом молча слушала меня. На ее лице не отразилось ровным счетом никаких эмоций. Явно без аппетита она жевала принесенную рыбу, как будто не понимая, что она совершила. Вечером мы вернулись в квартиру уставшие и, наполненные нежностью, занимались любовью, как будто расстались только вчера.

На следующее утро Нанди привычно приготовила завтрак. Она всегда обжаривала тосты, мазала квадратные ломти маслом и джемом, складывала их пополам. В разогретое молоко она неизменно добавляла половину пакетика украденного сахара и полторы ложки растворимого кофе. В ее тарелке всегда оставалась недоеденной тонкая корочка недоеденного тоста. В чашке - недопитое кофе, в котором плавали шмотки размоченного хлеба. После завтрака она закуривала первую утреннюю сигарету и открывала игру на планшете. Так она проводила полчаса, необходимые для успокоения сердца, встревоженного резким скачком сахара и адреналина. Потом неизменно требовала порцию настоящего кофе.

Днем мы отправились за продуктами на предстоящую неделю, а вечером совсем по-семейному украшали новогоднюю елку. Каждый год Нанди скрадывала по одной игрушке с рождественского дерева, которое устанавливали на первом этаже ее дома. На этот раз в елочных ветвях уже ютился грустный белый медведь.

Вечер мы должны были провести за ужином с нашей вечной соучастницей - Паскаль. Приехав раньше нее к ресторану тайской кухни, мы зашли в находившийся по соседству клуб 3w на бокал шампанского. Молодая девочка-бармен с короткими волосами принесла нам шоты в счет заведения. Они тут же заговорили с Нанди полупшепотом, чуть отстранившись, оставив

меня лишь догадываться о чем идет речь. Нанди лишь один раз обернувшись ко мне, обмолвилась, что разговор касался бывшей подруги девочки. Их отношения давно не клеились, к тому же сегодня была не ее смена и в баре ее не было. Она просила Нанди поговорить с ней. Нанди кивала своей светлой головой и я видела, как изменилось ее лицо в разговоре, приняв выражение тихой задумчивости. Вскоре к нам подошла Паскаль. Я одарила ее коробкой русского шоколада, и мы отправились в сторону ресторана. Выйдя на улицу, Нанди тут же остановила компания девушек, окруживших ее со всех сторон. Мы с Паскаль молча ушли вперед и заняли столик в ресторане. Нанди вернулась спустя тридцать минут. Я чувствовала себя брошенной и одинокой. Нанди окутывала меня волной холода и безразличия. Мы выпили вина, поужинали и вернулись в 3w. Нанди перестала обращать на меня внимание. Пришла красивая темнокожая официантка, с которой она тут же начала флиртовать. Затем они удалились вдвоем за руку в туалет. Видимо, они целовались.

Ночь прошла как в тумане. Мы безостановочно заказывали шампанское, а затем перешли в соседнее заведение.

Нанди, окончательно забыв о моем существовании, соединилась со своей новой темнокожей подругой.

Вдруг ночь неожиданно закончилась.

Все мы оказались в ресторане. Рядом со мной образовалась коротко стриженная девочка-подросток с темными грустными глазами. Она жалась ко мне всей своей тонкой фигуркой и умоляла провести остаток ночи с ней. Нанди не отрываясь впивалась губами в шею ее темного ангела. Мой неотрывный взгляд раздражал и раззадоривал ее, и она лишь нагляднее обхватывала узкими пальцами шею девушки. Наконец, шампанское закончилось. Каким-то чудом мы с Нанди поймали такси и оказались дома. Всю ночь проспали прижавшись друг к другу. Следующий день проходил дома.

Утренняя попытка поговорить о про исходившем молниеносно вывела Нанди из себя. Она кричала, я смотрела на нее и молчала. Боль сменилась усталостью.

На следующий день после обеда мы отправились искать подарки в галерею La Faillet. Перед выходом Нанди устроила стремительно разросшуюся из ничего истерику со слезами. Поводом послужил оставленный мной раскрытым на полу чемодан. Нанди пнула его с размаху своей тоненькой детской ножкой, выкрикнув набор по- французски утонченной ругани и молниеносно зарыдала. Выбившись из сил, она бросилась содрогающимся корпусом на кровать, с завываниями о том, что сегодня - день смерти ее мамы, которую поглотил диабет 4 года назад. Спустя десять минут она так же резко успокоилась. Сползла с пледа, тут же расправив образованные складки, прошла враз-вперед по комнате, красуясь перед зеркалом. Затем изготовила нам обеим кофе, молча передала мне чашку и закурила.

Блуждая между пестрых витрин Нанди ожила. Засуетилась вдруг у бутика модной бижутерии, долго выбирая браслеты из темного серебра для брата и его молодого человека.

Каждые несколько минут ее вновьобретенная подруга писала ей или звонила. Не выдержав издевательства я ушла бродить в одиночестве среди витрин. Вечером на ужин были приглашены Паскаль и Милу - ее новая знакомая - артистка известной цирковой труппы.

Нанди, окончательно утвердившаяся в хорошем настроении, готовила пасту по-итальянски. Нетипичное блюдо для французской кухни представляло собой горку недоваренных макарон, уложенную по центру больших тарелок, заправленную вываренными сосисками и украшенную консервированными овощами из банки.

Пасту несомненно сопровождалась бургундским вином, разговорами о музыкальной некультурности и мистицизме. Все ссоры были пройдены и забыты. Обиды растоптаны, а мы занимались любовью, наслаждаясь близостью и тишиной. Казалось, что в эту ночь мы стали немного ближе друг к другу.

В последовавшую полночь телефоны Нанди начали переполняться входящими сообщениями. Не приходилось удивляться, что ее 47-ми ление началось овальным сумасшествием.

Утром, едва проснувшись, я притащила в нашу кровать к спящей обнаженной Нанди ее подарок. Нанди радостно впилась в него зубами, расковыривая упаковку.

После завтрака на ее вечно залитом солнцем балконе, Нанди позвала меня из ванной комнаты. Я протиснулась в дверь и села у основания полуторной ванны на коврик. Нанди жестами заставила меня осмотреть ее зубы. Из ее рта шла кровь. Я проверила зубы и их основания, ничего не обнаружив. Кровь явно вытекала жидкими вкраплениями из горла. Большие бледные ладони с красивыми длинными фалангами ровных пальцев лежали обездвиженные на дне ванной. Водой искажались яркие пятна ногтей, кое-как стриженных, расслаивающихся и неаккуратно покрашенных красным лаком.

Нанди отфыркивалась и сплевывала кровь вместе со слюной прямо в воду, в которой лежала и из которой шел пар. Оранжево-красные кляксы тут же расползались в толще бурлившей воды, прежде чем окончательно слиться с ней.

После обеда мы спустились в метро и отправились в современный район Defence. Крепко сжимая мою руку в своей холодной ладошке, Нанди потянула меня в торговый комплекс 4 Saisons. Совсем по- семейному мы до вечера бродили по магазинам. Нанди с радостным ликованием выудила в куче распродажного тряпья для подростков серо-белый волосатый свитер из дешевого хим. волокна, и оплатив находку тут же нацепила его на себя. Мы выбрали подарки всей ее семье, прибывшей на Рождество из Италии и

гостившей в загородном доме, наслаждаясь ее отсутствием. И, наконец, я выбрала мой подарок на Рождество - белый шерстяной пуловер в черной надписью вышитой стразами - 4 love. Нанди, перерыв весь магазин и не найдя для себя ничего ценного, придирчиво ощупала его со всех сторон и оплатила. Мы выпили кофе на открытой веранде Старбакса, где Нанди запасливо стащила, не заплатив, бутылку воды и несколько пакетиков сахара. А затем вернулись в квартиру, куда вскоре приехали Ян и Жереми. Мы пили ореховый ликер на балконе под выставленным Нанди обогревателем. А позже спустились на ужин в ресторан морепродуктов, отмечая утекающие минуты Дня Рождения. Сразу после полуночи последовало мое признание в том, что новогоднюю ночь я запланировано провожу в Париже.

Единогласно было решено отмечать Новый Год всем вместе. Ничуть не обидевшись, Нанди пригласила меня вместе с Яном и Жереми присоединиться к ее компании. Паскаль приехала к концу ужина на чашку кофе. Выпив лишнего прошлым вечером, она забыла у нас свою жилетку вместе с оставшимся в ней кошельком и документами. Втроем мы вернулись в квартиру и долго еще сидели на балконе, разливая ледяную польскую водку из узких замороженных рюмок. Когда Паскаль наконец ушла, Нанди заговорила вдруг искренне и открыто, объясняя, что сама не знает порой, что творит. Мы занимались любовью, забыв обо всем произошедшем, обо всей несправедливости, что нас окружала. Я была благодарна ей забыть обо всем и просто поддаваться ее нежным рукам.

Утро в канун Рождества началось с очередного скандала. Слезы и истерики брызнули по лицу Нанди, в сочетании с «Меня никто не любит» и «я умру одна с музыкой и собачкой». Пришлось успокаивать ее трепетное тело в своих руках, нежно разглаживая набежавшие на лицо стаи морщин.

После обеда мы отправились в аэропорт, выпили кофе после регистрации. А затем, быстро обнявшись и прижавшись к ее щекам, я отвлекла ее прерванным поцелуем и ушла быстро и уверенно.

Легко прощаться с любимыми, начиная короткий отсчет до скорой встречи. Меня окутывала усталость. Порой мы устаем даже любить.

Проступившие при взлете слезы то ли горя - то ли радости не имели возможности быть отпущены. Пережитые эмоции были настолько мощными, что сливались в единый хаос безумия.

НЕДЕЛЕЙ ПОЗЖЕ

Это было прекраснее, чем я могла ожидать. После бессонной ночи, проведенной с мамой в сборах, двух бутылок выпитого нами шампанского, вылета в пять утра и перелета с пересадкой в холодным заснеженном Минске, я оказалась в Париже. Странное чувство родного города окутывало.

Прямо с самолета я отправилась обедать в маленький итальянский ресторан в центре Парижа. Мне хотелось почувствовать свою непривязанность к Нанди.

Так проявилось первое осознание необходимости независимости. Я

наслаждаясь свободой и тихим одиночеством. Нанди, узнав о моем намерении, устроила скандал сразу после моего выхода из аэропорта. Ее эгоизм требовал моего немедленно присутствия. Для чего она изобретала ухищренные оправдания, что я обязана тут же явиться к ней в офис и затем отправиться за покупкой продуктов. Оказалось, что своим намерением отойти от придуманной ей схемы, я подвергаю опасности жизнь и здоровье больного сахарным диабетом, так как в квартире у нее совершенно отсутствует какая-либо еда.

Поддавшись уговорам официантки, говорившей на французском языке с акцентом, и заказав блюдо дня, я плевала в лицо всем ее требования и обвинения в свой адрес. Блюдом дня оказались равиоли в сливочном соусе с трюфелями и бокалом белого вина. В Париже всегда хочется быть немного опьяненной. Пообедав в ресторане, я посетила соседние мебельные галереи и отправилась на метро в сторону ее офиса.

Чуть касаясь ногами ступеней, я влетела в перегруженное метро в предвкушении нашей приближающейся встречи. Уже на выходе мне в неожиданном порядке пришла идея раздобыть для Нанди букет цветов. В ближайшем баре я выяснила направление до цветочного магазина. Вечерний Париж находился в доброжелательном движении.

Витрины, наполненные разноцветными упаковками, шоколадом и куклами светили по-домашнему тепло и радостно. Я собрала пушистый букет из нежно-розовых и алых роз. Когда я подошла к ее офису, то несколько минут застыв, наблюдала, как она работает за стеклом огромного витринного окна музыкального агентства. Наконец, она повернулась и увидела меня. Вскочила со стула и распахнула стеклянную дверь. Мы смущенно обнялись. Нанди быстро чмокнула меня в губы. Она была в офисе не одна. Не смотря на предпраздничное время, в этот день с ней в соседней комнате работали двое коллег. На протяжении следующего получаса мы перемещались по офису в эйфории и нерешительности. Мы обменивались застывающими взглядами, пили кофе. Нанди изо всех сил пыталась работать, взволнованная и беспокойная. Наконец, на клочке бумаги она нарисовала мне расположение ближайшего Monoprix, куда я отправилась искать не купленный ей сыр и воду. Я вышла на улицу, с зажженной еще в офисе сигаретой. Я не курила. Но тлеющая сигарета помогала чувствовать себя дома. Я любила этот нежный, знакомый запах города. Чтобы протянуть время до окончания рабочего дня, я заходила во все попадавшие мне на пути книжные магазины, аптеки и сувенирные лавки для туристов. Купив несколько разновидностей сыра и воду, поболтав с продавщицей в аптеке, я вернулась в офис. Нанди как раз заканчивала. Мы закрыли бюро и, забрав множество сумок с продуктами и цветы отправились искать машину на парковку. По возвращению домой мы заказали суши, дожидаясь которые выпили бутылку белого вина. Нанди опрокинула на себя целый бокал. Все это уже было не важно. Мы засыпали счастливые,

прижавшись друг к другу. Свободной рукой Нанди сжимала подаренного мной медведя, которого называла Жужа.

Утром, спокойно позавтракав и выкурив пару сигарет Нанди уехала в офис. Но уже спустя два часа вернулась на обед. За время ее отсутствия я приняла душ и приготовила пасту. Нанди светилась счастьем. Мы обедали на балконе в лучах солнца. Нанди расслабленно выкурила еще пару сигарет. Поймав мой осуждающий взгляд, она тут же заняла: «Не смотри так, это же мое последнее удовольствие в этой жизни». Когда Нанди вернулась в офис, я постарались уснуть в кровати, закутавшись в запахи ее тела.

Вечер прошел в сборах. Мы одевались на Новогоднюю вечеринку, пили советское шампанское вместе с приехавшей за нами парой. Иза - бывшая девушка Нанди и Астрид - ее нынешняя подруга. Все ждали, пока соберется Нанди. Она уже сотню раз сменила футболку и джинсы, пока не нашла идеальное сочетание черного, белого и красного, как было условленно при подготовке новогоднего вечера. Бегая с обнаженным торсом по комнате в ванную, надевая и тут же стаскивая перед нами футболки, Нанди весело смеялась, пила шампанское и веселилась. Она чувствовала на себе цепляющиеся взгляды и ее это забавляло. Подъехав к дому Милу - гостеприимной темнокожей француженке с тремя детьми, работающей в цирке, мы с Нанди вылезли из машины с сумками, оставив девушек парковаться. Узкая улочка, спадавшая вниз разномасштабной брусчаткой напомнила нам греческий городок, и мы понимающе переглянулись. Пройдя через внутренний двор, похожий на крепость, мы поднялись по деревянной лестнице в квартиру. Просторные по словам хозяйки апартаменты представляли собой тесную прихожую, перетекавшую в гостиную, в центре которой стоял журнальный столик, заставленный бутылками шампанского и стаканами. Вокруг которого теснился угловой диван и располагались несколько кресел. К дальней стене был при двинут стол, заваленный свежими морепродуктами, сырными тарелками и закусками. Нанди

тут же влилась в толпу, целуясь, смеясь и обнимаясь со всеми подряд, выдавая на ходу хохмы и выпендриваясь, насколько хватало воображения. Чуть дальше, в глубине располагались: детская спальня и комната Милу с выставленными в ней цирковыми костюмами для выступлений. В глубине квартиры ютилась маленькая грязная кухня и заваленная бархлам ванная комната. На второй этаж вела узкая крутая лестница без перил, которая утыкалась в еще одну тесную детскую спальню. Из спальни низкая дверь открывала чердачный шкаф, сплошь заваленный вещами. Вечеринка была в разгаре. Мы пили шампанское, разъединившись с Нанди по разным углам, и лишь изредка обменивались короткими взглядами. Кроме нашей припозднившейся четверки, в квартире собрались: Паскаль, трое детей Милу, Селин и Лор, Рашель - еще одна бывшая девушка Нанди со своей подругой. А позже приехали Ян и Жереми. Ближе к концу вечеринки мое

внимание привлекла сцена: Нанди уговаривала ее поцеловать стоявшую рядом с ней Рашель.

- Ну давай поцелуй меня!

Рашель чиркает ее в щеку.

- Да нет, не так, в губы!

Рашель неохотно чмокает ее в губы.

- Ну что это за поцелуй?! Давай, поцелуй меня по-настоящему, с языком! Продолжения этой сцены я уже не видела. Я скрылась в соседней комнате.

Нанди знала, что я за ней ежесекундно наблюдаю. В моей голове повторялся один и тот же вопрос - зачем?

Наконец, вечер закончился. Большая часть гостей разъехалась. После коротких выяснений отношений и мимолетных стычек с Нанди, мы уснули, все-таки обнявшись прямо в одежде на диване. Рядом с нами расположились Милу и Паскаль с льнувшей к нам ее собачонкой Лилу. Утром, нашим единственным желанием было как можно быстрее выбраться из грязи и бардака этой квартиры, принять чистый душ и выспаться. Мы вернулись домой на такси втроем вместе с Паскаль и провели весь оставшийся день дома, отмываясь и наслаждаясь чистотой и свежестью.

Неприятное ощущение предательства не отпускало меня ни на минуту. Теперь стало ясно, что в мое отсутствие Нанди вела свободный, наполненный ничемными случайными отношениями образ жизни. Вернувшись в квартиру я была удивлена, не обнаружив новостей от мамы, засорявшей 30 декабря в порту Греции. Паромы были отменены из-за аномальных погодных условий. Я написала ей новогоднее сообщение, но внутри зародилось беспокойство.

Утром следующего дня мы позавтракали и отправились в магазин Mobilier de convertible. Нанди, едва сделав несколько шагов по магазину, начала свой спектакль: "я - известный ди-джей, так что в ваших интересах проявить магию над ценой". Продавец, не устоявший под ее напором, сделал ей скидку. Мы выбрали длинное канапе, обитое серо-коричневой тканью. Затем купили продукты и не желая проводить вечер дома, отравились ужинать в ресторан тайской кухни недалеко от нашей квартиры.

Ближе к концу ужина разгорелась очередная ссора. Я требовала объяснения ее безжалостности. Нанди искала виноватых, утверждая, что всему виной стали ее бывшие друзья - Оливье и Виксен. Она без тени смущения призналась, что часто засыпает в одной кровати со своим другом Би-Би. Принимая меня откровенно за идиотку, сказала,

что это настолько нормально, что она даже не думала обсуждать эту тему как-то отдельно. Ее загородный дом был также куплен пополам с Би-Би. Вечер перерос в скандал. Вернувшись домой Нанди начала кричать. Она без конца курила, перемещаясь скачками по квартире. Потом влезла на стул и вытащила бутылку красного вина, которую с ожесточением вскрыла и плеснула в свой бокал. Она металась в безумии, нервно выкрикивая обвинения. Концерт

продолжался до 4 часов утра. Вдруг, она успокоилась, метнулась под одеяло, затащив за собой. Нанди сняла ночные шорты и положила мою руку на обнажавшееся, горящее жаром тело. Мы занимались любовью с испуганной нежностью. Нанди извивалась и стонала в моих руках. Я вдыхала запах ее теплого тела, смешанный с тонкими ароматами итальянской присыпки и Лютенс. Я любила ее в этот момент больше всего с своей жизни и все прощала. Утром мы проснулись все еще несколько смущенные прошедшим скандалом.

Последний наш вечер мы проводили за ужином с Милу, ее тремя детьми, Паскаль и Яном в мясном ресторане Нурроротамус, где работал официантом его друг Жереми. Паскаль в районе 7 часов появилась в нашей квартире. Развалившись на не собранной с ночи кровати, она рассуждала о музыке. Ян забрал нас на машине. Мы приехали в ресторан и заняли заранее сдвинутые столики. Милу вместе с тремя детьми появились после аперитива. В середине ужина в сонной атмосфере ресторана вдруг посовшался резкий визг разбиваемого бокала. Нанди, смеявшаяся до этого надо всем и отпуская бесконечные хохмы, захваченная волной безумного сумасшествия, вдруг вскочила и зааплодировала, издав радостное: ухуууу!!! В наступившей тишине на оказалась единственной, аплодировавшей и кричавшей. Все смотрели попеременно то на нее - то на мать, в руках которой с секундным опозданием взвыл упавший с детского стула ребенок.

После ужина, Милу неожиданно предложила выпить по бокалу у нас дома. Я шепнула Нанди, что сегодня наш последний вечер вдвоем, а утром следующего дня я улетаю. Нанди неожиданно выразила протест. Милу настаивала. Я выжидающе молчала. Нанди начала злиться и отпускать злые фразы в мой адрес. Никто из присутствующих не понимал, что происходит. Нанди не выдержала и в ярости пригласила всех в ближайшее кафе на бокал, не прекращая изливать злостный поток ругани и оскорблений. Мы заказали напитки на зимней террасе, обогреваемой верхними лампами. Мы с Нанди не разговаривали. Несколько раз она требовательно дергала меня за рукав, пробивая насквозь злым холодным взглядом. Я старалась не реагировать. Тогда она пригрозила уехать, оставив меня в одиночестве. Я не ответила. В следующий момент она в ярости вскочила и, схватив сумку, выбежала из зала. Я боялась, что она меня бросит. Но выкурив на улице сигарету, она вернулась.

Домой мы вернулись молча, уставшие и разочарованные. Едва переступив порог квартиры, Нанди выпалила:

- И что это было?!

- Послушай, мы просто обе устали. К тому же сегодня наш последний вечер вдвоем.

- Вот именно! - взвизгнула она. Ее глаза наполнились злостью, а лицо стянула маска безумия и ненависти. Теперь она откровенно орала. Вместе с криками,

Нанди крушила все вокруг себя. Она кидала на пол вещи и стулья, еду и попадавшие ей под руку предметы. Я по-настоящему испугалась. Моя попытка подойти к ней и успокоить вызвала в ней приступ неконтролируемой ярости. Мне стало страшно. Наконец, в ее руке оказался недопитый бокал, и она с истошным воплем в дребезги разбила его в мойке.

Я спрятала телефон и паспорт подальше от ее глаз в сумку и отправилась в душ. Спустя минуту Нанди влетела в ванную комнату и с бешенством распахнула шторы. Я ждала, что последует удар. Но его не последовало. Нанди продолжала сыпать проклятиями и словами бешеной ненависти. Спустя несколько минут вдруг наступила тишина. Я испугалась, что она что-то сделала с собой. Выйдя из душа, я осторожно заглянула в комнату. Нанди спокойно лежала, укрывшись по грудь одеялом и играла в Кэнди Крош. Я незаметно проверила свои вещи - все было на месте. Раздевшись, легла рядом, стараясь ее не коснуться и постарались уснуть. Последние шесть часов до расставания мы провели в обрывках тяжелого сна. Нанди просыпалась, стонала и вскрикивала, то продолжая ругань, то требуя ее немедленно обнять, то отталкивая меня. Я молилась, чтобы эта ночь однажды закончилась. И она неожиданно закончилась.

Утром после молчаливого завтрака мы тихо попрощались. Подъехавший шофер уже ждал внизу. Нанди снова начала кричать. Моего терпения не хватало. Я собрала свои вещи и из последних сил стараясь подбадривать ее и простится на хорошей ноте. На самом деле мне хотелось бежать. Ее ярости не было предела. Последний раз поцеловав ее искаженное злостью лицо я вызвала лифт и вышла из дома, едва не пустившись бежать. Я села в такси и начала дышать. Высунувшаяся по пояс с балкона, ошавевшая Нанди смотрела вслед моему отъезжающему такси.

В период после новогодних праздников и до самого разгара весны мы перебрасывались редкими сообщениями. Я звала Нанди с собой в отпуск. Она отказывалась, ссылаясь то на отсутствие денег, то - проблемы на работе.

В мае Нанди должна была лететь на свежий музыкальный саммит, проходивший на Ибице. Она планировала задержаться там на несколько дней дольше необходимого, чтобы отиграть сету в паре местных клубов.

Я предложила встретиться там же и провести там вместе еще неделю только вдвоем. Нанди искала отговорки, долго ничего не отвечала.

Я взяла билеты на канарские острова, куда на гей-прайд пригласили меня лететь наши общие друзья - Ян и Жереми.

Один раз за все это время она позвонила. На заднем фоне с ней болтала девушка. Разговор вышел не о чем, мы обе смущались после долгих недель тишины, а присутствие третьего человека и вовсе сделало общение невозможным. Очевидно, до до этого момента они ссорились. Назло девушке Нанди набрала мой номер, бросая мне в трубку намеренно-обидные фразы типа: «все француженки не искренни» и «ты одна была настоящая».

Мы обе чувствовали, что она так много надо друг другу сказать. Но лишь обменялись штампованными фразами о здоровье, работе и повседневных заботах.

Она пообещала перезвонить, но так никогда и не перезвонила.

10 ЛЕТ СПУСТЯ

КВАРТИРА НА УЛИЦЕ CHOISEUIL

Нам пришлось забирать Нанди из ее дома в пригороде. В последнее время она практически не выходила, мало ела и отвечала на мои звонки через раз.

Друзья, опасаясь за прогрессирующие приступы, уговорили меня перевезти ее к себе. Я была единственной, кого она всегда узнавала и доверчиво следовала моим указаниям.

Этой ночью я оказалась разбужена, едва лишь погрузившись в сон. Над моей кроватью нарастали всхлипывания, сопровождаемые невнятным обиженным бормотанием.

Мне не сразу удалось сконцентрироваться и осознать, что происходит. За секунду до пробуждения я шагала по заснеженной московской улице. В то время как за окнами стояла теплая и свежая парижская осень. В свете, пробивавшемся сквозь несобранные жалюзи я узнала силуэт Нанди. Она стояла босяком в длинной по

фигуре майке, из которой острыми треугольниками торчали ее плечи. Почуввав, что, наконец, я проснулась, она завывала навзрыд.

В голове промелькнула мысль, что неожиданное выступление может разбудить детей.

Я поднялась и, взяв за руку, потянула ее к себе.

Но Нанди уперлась ногами в металлическую ножку кровати, выказывая неготовность подчиниться.

- Опять ты ходишь с голыми ногами?

Всхлип.

- Ты смотрела сахар?

Двойной всхлип с подвыванием.

Мне все-таки пришлось встать, и, обняв ее хрупкое тело, заставить последовать в постель. Прижавшись ко мне, она плаксиво вздохнула и тут же юркнула под одеяло. Укрывшись с носом, Нанди приклеилась ко мне всем телом, отогреваясь. Свободной рукой я нащупала под кроватью дежурный глюкометр и практически наощупь вставила полоску.

Два дня назад Стефан улетел в командировку. Он с подозрением относился к нашим совместным засыпаниям. В то время, как Нанди все чаще капризно требовала моего присутствия перед тем как забыться тревожным, как будто детским сном.

Она доверчиво отдала ладонь. После щелчка я успела приложить ее палец к индикатору прежде, чем та поняла, что произошло и отдернула руку.

- Ай, больно!?! - прошипела она обиженно.

Экран высветил 180.

Я потянула край подушки к себе на плечо. Нанди тут же вскарабкалась вверх, уткнувшись белой макушкой в мою шею. Я потрогала губами ее горячий лоб и принялась приглаживать хаотичные пряди. Она успокоенно вздохнула полной грудью и заерзала пальцами в материи простыни, засыпая. Я гладила ее жесткие волосы, отогревая ледяные босые ноги под просторами нашего одеяла.